

Сергей САКАНСКИЙ

ДРУГАЯ

Роман

Украденная
душа

Сергей Саканский

Другая. Украденная душа

«Автор»

2012

Саканский С. Ю.

Другая. Украденная душа / С. Ю. Саканский — «Автор», 2012

Когда провинциальная актриса вышла в финал столичного конкурса красоты, она и представить себе не могла, что за играми шоу-бизнеса скрываются зловещие манипуляции древних, таинственных сил.

© Саканский С. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

КТО ТЫ?	6
У ЧАПАЕВА	14
ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Саканский

Другая

Украденная душа

Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, – словом, все жизни, все жизни, все жизни...
Антон Чехов – «Чайка»

На обложке: Гюстав Моро «Афродита».

КТО ТЫ?

Родион проснулся на рассвете – от нелепой, фантастической мысли. Наверно, ее породил сон, который ему удалось оборвать в момент наивысшего ужаса. Так всегда бывает: будто некий добрый демон сновидений тебя хранит, и ты не можешь не только умереть, но даже по-настоящему испугаться во сне.

Снился кошмар: Родиона преследовала статуя, белая обнаженная скульптура по типу греческих богинь, мраморная – он видел близко прожилки минерала на ее руке, словно схему кровеносных сосудов. Он убегал, пересекая улицы и площади, над крышами плыла луна, он забивался в какие-то квартиры, чуланы, луна озаряла проемы окон, и вдруг, за углом, за окном, за дверью... Статуя. Скульптура. Родион просыпается, надевает халат, идет на кухню, но это всего лишь сон во сне, потому что статуя невозмутимо стоит за кухонной дверью.

– Не бойся, – говорит он сам себе. – Она неживая.

И скульптура будто слышит его слова: она дергает плечом, ссыпая каменную пыль, выбрасывает вперед руку, словно ожидая поцелуя... И тогда он опять просыпается, хочется верить – окончательно.

Где-то капает вода: не завернул на кухне кран. Комната раскачивается, притворяясь корабельной каютой. Скульптура стоит у кровати... Нет, это всего лишь покоится на крючке синий байковый халат. А кран давно пора починить.

Ранее майское утро... Часов около шести, и скоро рассвет: небо за окном высеребрилось, обстановка комнаты наполовину выступила из умершей ночи, словно барельеф из стены, твердо настаивая на том, что спать сегодня уже не придется.

Родион встал, накинул халат. Подошел к окну, распахнул створки, далеко разведя в стороны руки, и в тот же момент на реке прогудел буксир, как бы приветствуя маленького похмельного человечка, блеснувшего окном посередине высокого сталинского дома на обрыве.

Что за дикая мысль? Будто заглянул в колодец, а там, в гулкой глубине, дрожит и хохочет твое собственное отражение:

– Маша не вернулась из Москвы. Вернулась не Маша. Это какая-то другая женщина. На самом деле другая – не в фигуральном смысле. Женщина, как две капли воды похожая на Машу, которая присвоила ее документы, одежду, жизнь...

Родион прошел на кухню и там тоже распахнул окно. Засвистел чайник на плите. Чай заварился так крепко, что пить его было проблематично. В бокале болталось лицо, хотелось в него плюнуть. Не стоило брать эту последнюю четвертинку, ни под каким видом не стоило, и сегодняшний выходной (тема, победившая в вечерней борьбе мотивов) вовсе тому не оправдание.

Родион стоял у окна с бокалом в руке, из бокала шел пар. Сырой волжский ветер развеивал полы его халата. На дальнем берегу висело облако тумана. Оно всегда стоит по утрам в Зеленой Роще, над Грязным затоном...

Мысль фантастическая, что-то от мыльной оперы, где бушуют страсти и рушатся сердца. Но все же, все же... Бывают же на самом деле похожие друг на друга люди. Братья и сестры-близнецы. И могут быть в реальности ситуации, когда кто-то использует сходство. Что, если действительно здесь идет какая-то чужая игра, и Маша стала одной из ее фишек?

Нет, чепуха, большие фантазии еще не совсем проснувшегося сознания. Удар кодеина, сахара – и включается мозг. Мысли, до сих пор вывернутые наизнанку, принимают удобную дневную форму. Лицо из бокала выпито. Самоходная баржа идет вверх по течению, топовые огни чертят пунктирные линии на воде.

Ясно одно: с Машей в Москве что-то произошло. Только вот она упорно не хочет говорить – что.

* * *

Родион не верил в сны как в некие сигналы потустороннего мира, зато прекрасно понимал, что сон не может явиться на пустом месте. Маша ездила на конкурс «имени Афродиты». Как еще иначе вообразить греческую богиню? Именно: мраморная скульптура.

Маша вернулась в Самару сама не своя: что-то с ней определенно случилось. Конкурс красоты, бесспорно, представлял собой опасность – мало ли кого могла встретить там его невеста? Вдруг эта встреча разрушит их маленькое счастье? Вот почему статуя во сне была агрессивной.

Москва казалась Родиону чуждым, опасным городом: отсюда – эти улицы и чуланы, квартиры и площади, озаренные бледной луной...

Словом, сон, как это и должно быть, всего лишь отражает дневные переживания. Только одна деталь – перстень с замысловатой треугольной свастикой, взялась, казалось, ниоткуда. Перстень на каменном пальце статуи был ее единственной «одеждой» и выглядел нелепо. А лицом статуя не походила ни на одну из женщин, которых Родион когда-либо знал.

Длинная нестройная вереница лиц, словно унылая очередь в театральную кассу: все утонченны и умны, все хотят насладиться высоким искусством, все чем-то похожи друг на друга. Жизнь отдельно взятого мужчины имитирует обстановку кастинга – возбужденную, игривую, и в то же время деловую, оценочную. Тишина в зале! Мы тут, знаете ли, делом заняты. Подбираем образ под идеал: вот почему все в этой очереди одного поля ягоды.

Последние четыре месяца его прошлые женщины выстроились в одну линию, как на параде планет. Лена, Инга, Марина... Маша стоит первой. Все остальные лишь робко выглядывают из-за ее плеча, из-за локона золотых волос.

Среди них, как стало ясно теперь, не было ни одной настоящей красавицы – во-первых, ни одной отзывчивой души – во-вторых. Эгоистки, истерички, акцентуированные личности.

И вот, четыре месяца назад, сразу после рождественских праздников, главреж Раковский привел новую актрису. Родион хорошо помнил момент, когда впервые увидел ее. Она шла по проходу, чуть впереди главрежа, маленькая, худая, казавшаяся еще меньше на фоне его грузной фигуры. Под потолком все еще болтались новогодние гирлянды. Родион сидел за своим пультом, у него барахлил красный софит. В тот день была генеральная репетиция «Куропатки» – уже в костюмах и со светом. Катастрофа заключалась в том, что Лара Цветкова, игравшая Заречную, вдруг отказалась подписать контракт на новый год и внезапно уехала в столицу, где ей предложили работу на новом телеканале. Дублерша, Светка Алексеева, была, скорее, номинальной: выпустить ее на премьеру значило премьеру провалить.

– Вот вам и Заречная! – окнув на верхневолжский манер, объявил Раковский, и все посмотрели на Машу, будто бы на нее навели прожектор.

Оживление в зале. Кто ты? С кем будешь дружить? Кто будет твоим заклятым врагом? Чьей станешь любовницей?

Родион смотрел и смотрел, как она идет, и с каждой секундой понимал, что его размеренной жизни пришел конец...

Маленькая сцена, построенная в глубине большой: по замыслу Раковского, обе сцены идентичны, чем-то напоминают футбольные ворота, сделанные из березовых стволов – рискованный ход, но не более, чем сама затея ставить здесь и теперь – «Чайку», пусть даже и модернизированную. Маша еще не вполне Заречная: на ней джинсы и блузка, в узкой щели поблескивает плоский животик. В реальном ситцевом платье Лары она бы просто утонула. До завтра весь ее гардероб перешьют, а пока она ходит по этой сюрреалистической сцене, словно все остальные ей сняты: персонажи в костюмах эпохи, среди них – девчонка в джинсах, с листочком бумаги в руке. И Родион ласкает ее светом, двигая вверх-вниз ползунки на пульте,

словно безмерно длинными пальцами трогает ее плечи и волосы, гладит миниатюрные бедра и ложбинку спины...

Вот она сидит на «камне», сделанном из бурого пластика: этот огромный камень можно запросто подбросить, словно пляжный мяч. Мизинцем Родион включает тумблер «пушки», указательным пальцем ведет ползунок: запускает «луну». По поводу этой «луны» они чуть не поссорились с главрежем, который в очередной раз выставил себя идиотом:

– Значит, закатится солнце, потом взойдет луна, – на совещании по световой партитуре указывал он на задник, широко размахивая руками.

– Виктор Петрович! – мягко сказал Родион. – Луна не может взойти в том месте, где только что зашло солнце. Астрономически.

– Да? – удивился Раковский, часто заморгав глазами и вдруг просиял, сделав вид, что все давно рассчитано: – Это в «Чайке» нельзя, а в «Куропатке» – что дозволено Юпитеру – все можно.

Лара приснула: позже выяснилось, что ей больше не придется сидеть на этом «камне» в ореоле восходящей луны. Сейчас здесь сидит Маша, так неожиданно свалившаяся Родиону на голову, наверное, прямо с высоких лучезарных небес. Она «вся в белом» – безразмерное белое поверх голубой блузки и тертых джинсов.

– Все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли...

Маленькая актриса в роли маленькой актрисы. Маленькая сцена в рамках другой маленькой сцены – маленького театра, маленького города, маленькой страны.

Маленькой планеты, летящей в пространстве вместе со своей маленькой луной.

* * *

Сначала все это казалось просто шуткой.

– Выйдешь за меня замуж?

– Я?

Взрыв смеха. Они смеются оба, Маша шлепает Родиона ладонью по груди, он накрывает ее руку своей. Вдруг они замолкают, серьезно глядя друг другу в глаза.

Этот внезапный разговор произошел в служебной раздевалке, когда Родион случайно оказался с новенькой актрисой рядом и помог ей надеть пальтишко. До этого они даже и словом не перекинулись.

Вышли из театра вместе, Маша остановилась перед афишей спектакля, протянув неопределенно:

– М-да...

Афиша гласила:

КУРОПАТКА

По мотивам пьесы Антона Чехова «Чайка»

Инсценировка Всеволода Раковского

– Впрочем, текст, как я смотрела, классический, с небольшими сокращениями только, – проговорила Маша.

– Ага, – подтвердил Родион. – Только вместо чайки всюду – куропатка.

– Думаешь, это будет смешно?

– Узнаем через пару дней.

Какое-то время они шли по тротуару молча, Маша чуть было не угодила ногой в лужу с ледяным крошечком, Родион придержал ее за локоть.

– Ты ж меня совсем не знаешь, – вдруг сказала она.

– И ты меня тоже.

– Но так не делают. Сначала встречаются и все такое...

– А если ради эксперимента? И без всего такого.

– Эксперимент над самой жизнью. Это значительно... Люди, львы, орлы и куропатки...

Я играла Нину на дипломе. Вспомнить только...

Вечером он позвонил ей, и они проговорили долго, несмотря на то, что актрисе надо было освежить в памяти текст. А на суфлера Раковский жмотился – суфлировал сам. Какой цвет тебе нравится? А тебе? А фильмы ужасов ты любишь? А ты? А мороженое? Да, эскимо. Двойное. Такое наши предки называли «ленинградским». А я как раз в Питере учился...

У них было поразительно много общего, а различия только обещали эпоху волнующих споров и взаимных убеждений. В этом ночном разговоре и сформировалась окончательная идея: да, будем считаться женихом и невестой, так, предварительно, без клятв и обещаний, но главный смысл идеи в том, что первый поцелуй наступит на свадьбе (если конечно, состоится свадьба), как это было у предков, в далекие целомудренные времена.

– Ну, ты и даешь, Родя! – сказал Шура Зуев, актер (в спектакле он играл Треплева, гримом лет на десять молодее) – Такую девчонку и сразу отбил. У всех у нас. Даже помечтать толком не дал.

С Зуевым Родион обычно шатался по пивным точкам, обсуждая мировые проблемы.

– Это не то, что ты думаешь, – отшутился он расхожей киношной фразой.

Вот, кажется, найден выход: как в этом мире, уже вполне обжитом, пройти некий душе-спасительный ритуал очищения. Ведь свои жизни они оба начали так, как все: недолгие связи, частые смены партнеров... И вот, оказывается, найден путь, как изменить эту тривиальную, уже испорченную ситуацию. Оказывается, она еще не безнадежно испорчена, если можно своими руками создать красивую повесть, простую, классическую...

Они обычно встречались у памятника Чапаеву, что было обоим недалеко: Маша шла с Некрасовской, где снимала комнату, Родион – с проспекта, где жил вот уже десять лет, в квартире, доставшейся от бабушки.

Здесь, под сенью бронзовой руки красного командира, пылали и разбивались сердца нескольких поколений горожан: мать рассказывала Родиону, что именно на этом месте, у ворот Струковского сада, разворачивался мотоцикл отца, и он, с неизменной папиросой в уголке рта, в своей серой кепке, ждал бегущую невесту, не покидая седла.

А налево был театр, где Родион работал осветителем, сразу после училища, пока его, наконец, не выгнали за чрезмерное употребление. Прохаживаясь по площади в ожидании невесты, которая стопроцентно опаздывала, Родион поглядывал на здание в кричащем псевдорусском стиле, думая, что сейчас, за этими темно-красными стенами, может где-то ходить Лена или Инга, с которыми у него так и не срослось. Впрочем, говорят, Инга тоже из Горьковского театра ушла...

Памятники всегда выглядят жутковато, словно каменные гости. Групповая скульптура, создание казенного гения Матвея Манизера – в детстве страшная, переплетением человеческих и лошадиных конечностей похожая на огромного черного скорпиона... Ничто не меняется в статуях, даже голубиный помет кажется величиной постоянной. Отец умер, мать вторично вышла замуж, они редко встречались, семья прекратила свое существование, Родион переехал жить в старую бабушкину квартиру, как бы снова осиротев. Памятник беспокоит, как соринка в глазу, хочется снова оглянуться. Вот почему... Та, другая скульптура не выходит из головы, преследует во сне. Разве может быть так, чтобы один и тот же сон снился несколько раз? Кажется, будто это какой-то искусственный, наведенный сон.

Афродита...

Теперь Родиону казалось, что не статуя его сновидений произошла из «конкурса имени Афродиты», а наоборот: будто бы сначала была статуя, потом конкурс. Будто бы статуя впервые приснилась ему за несколько дней до того, как он узнал о конкурсе.

Да, именно так. Когда Маша показала ему приглашение, что-то смутное, тревожное шевельнулось внутри... Да, статуя тогда уже была, но он просто не знал, как ее назвать. И перстень – перстень с замысловатой треугольной свастикой...

Маша любила гулять по улицам, паркам, сидеть в каком-нибудь кафе. И в этом они были похожи: Родион терпеть не мог зависать на одной точке, а тоже предпочитал длинные путанные маршруты, в ходе которых теперь появилась новая боевая задача: не перебрать. Впрочем, былая жажда пить, чтобы забыться, уснуть трансформировалась в желание легкого опьянения, чтобы, засыпая, раскинув руки в стороны на широкой пустой кровати, успеть погрузиться в новые дразнящие мечты.

Отчего он, собственно, пил? Жалкая попытка преодолеть комплекс застенчивости, страха перед реальностью, которая с громом обрушилась на него, когда умер отец? Да нет, пить он начал гораздо раньше...

Мало кто догадывался, что высокий, широкоплечий человек на самом деле был маленьким, как будто внутри, под тонкой оболочкой скрывался другой – слабый и робкий, безвольный, с трудом принимающий решения. Под воздействием алкоголя этот маленький вырастал, упирался в оболочку, более того, ему становилось даже и тесно в теле Родиона... В сущности, все свои важные поступки он совершил под легким шафе: и к Маше тогда, в раздевалке, он обратился, потому что раздавил с Зуевым чекушку, которую тот достал, подмигнув, из-за зеркала гримерной, потом, во время ночного телефонного разговора, Родион, полулежа, разглядывая свои ноги в дырявых носках, прихлебывал по чуть-чуть жигулевского – так, собственно, и родилась идея непорочного брака...

Они еще ни разу не поцеловались, верные своему тайному сговору. Никто в театре не догадывался об их истинных отношениях, а если рассказать – не поверил бы: так не бывает. Никогда прежде Родион не испытывал такого трепета от простого прикосновения руки.

* * *

Все началось в конце апреля, когда Маша неожиданно объявила, что едет в Москву, на конкурс красоты. Просто поставила Родиона перед фактом, показала приглашение – кокетливый, с вычурными завитушками документ. «Конкурс имени Афродиты» – организаторы были явно не в ладах с чувством юмора.

И что-то смутное, тревожное шевельнулось внутри...

– Откуда ты вообще взяла этот конкурс?

– Так... Увидела в интернете объявление, отправила резюме.

– И ничего не сказала мне?

– Но теперь же сказала! А сразу не было смысла. Просто послала свои данные, фотографию. Я и не думала, что пригласят.

– Ты скрытная.

– Да, я скрытная.

– Если бы тебе пришел отказ, то я бы так ничего и не узнал.

– Не узнал – о чем?

– О том, что ты посылала свою фотку на конкурс.

– Ну и что?

Действительно: ну и что? Ведь скрывают же они от нас всякие уловки, ухищрения, рисуя на своих, как правило, плоских, как холст, лицах, каких-то немыслимых красавиц. Можно сказать: маленькие женские тайны. Если бы он узнал, что Маша пыталась принять участие в конкурсе, а потом получила отказ, то стал бы свидетелем ее поражения.

Все понятно, объяснено, но что-то все равно гложет его – именно ее скрытность. С другой стороны, он был ей благодарен: из-за этой скрытности он ничего не знал о тех, кто был у нее раньше.

Уникальный стиль. Обычно они довольно быстро начинают исповедоваться в своих сердечных историях, и вскоре ты оказываешься вовлеченным в чужую жизненную драму, знаешь все ее перипетии.

Как бы на моем месте поступил Валера? А вот с Митей она посмела бы так себя вести? Сказала бы она такое Виталию?

Маша избавила Родиона от этого нудного кошмара, но все же, ему хотелось знать о ней больше...

За все время их общения никто не звонил ей на мобильный, кроме общих знакомых из театра да квартирной хозяйки. Как-то раз на ящик театра пришла повестка из милиции по ее душу, но Родион не спросил, в чем дело, а она не рассказала.

В сущности, он не так много знал о своей невесте: рано лишилась родителей, выросла в детдоме, окончила театральное училище в Оренбурге, два года работала в местном театре, там ее и нашел главреж Раковский, пригасил в Самару. Родиону было вполне достаточно видеть, зорким оком художника, что у Маши нет необходимости рисовать свое лицо на холсте, разве что только чуть-чуть, в самых уголках глаз и контурах губ.

* * *

Она съездила в Москву всего-то на три дня, но вернулась совершенно другой.

Родион встретил ее на вокзале, издали приветствуя букетом нарциссов. Умопомрачительные цветы, сжимающие в глубине своих шестиконечных звезд неповторимый травянистый запах. Женщины думают, что цветы дарят им, на самом деле, мужчина покупает цветы самому себе, чтобы держать их в ладонях, нюхать и разглядывать. Чтобы идти по городу с букетом, когда все на тебя смотрят и знают, куда и зачем ты идешь. Или думают, что знают, а на самом деле – все не то и не так...

– Эй, где ты?

– Так... Задумалась.

– Что-нибудь с тобой произошло?

– Ты хочешь спросить, не встретила ли я кого-нибудь, не влюбилась ли?

– Ну... Разве я так сказал?

– Ты подразумевал.

– В общем, да.

– Нет. Никого я не встретила.

Но Родион не совсем поверил. Допустим, какой-то мужчина в Москве на самом деле произвел на не впечатление. Неужели, в таком случае, она должна рассказать об этом своему жениху?

– Знаешь, милый, я тут с одним парнем познакомилась, телефончик ему оставила...

Родион ей кто – подруга? Поделиться с ним смутными девичьими мечтами... Она пока совершенно свободна, клятв, обещаний не давала, в церкви не венчалась. И тоже живет в атмосфере постоянного кастинга, как любая незамужняя женщина. Это как с фотографией на конкурс Афродиты: послала – не сказала, пришел ответ – известила.

Может быть, они переписываются имейлом, шлют друг другу СМС-ски? Пока только флирт, ничего серьезного, но постепенно он, этот гипотетический москвич, вытесняет в ее душе Родиона, а Родион становится все более жалким, ничтожным, а москвич растет, наливаясь, твердеет, как памятник на постаменте, маленький Родион прыгает вокруг, едва доставая до его каменных яиц...

Вспомнилась чеховская «Душечка». Мысль о том, что мужчина создает женщину. И вот, налицо действие этого закона: Маша встретила в Москве другого, и он вылепил ее за каких-нибудь три дня и продолжает лепить заочно. И поэтому она так сильно изменилась.

Как Нина Заречная, чайка-куропатка, когда вместо жалкого начинающего встретила большого и настоящего, а он, начинающий, полный отчаяния, застрелил птицу-символ и швырнул к ногам своей уходящей любви:

– Я имел подлость убить сегодня эту куропатку. Кладу у ваших ног.

А ведь еще недавно была влюблена, прибежала в сумерках:

– Отец и его жена не пускают меня сюда. Говорят, что здесь богема... боятся, как бы я не пошла в актрисы... А меня тянет сюда к озеру, как куропатку... Мое сердце полно вами.

А почему он столь бездумно принял самый мягкий вариант реальности: очарование, СМС-ски? Может быть, все у них уже произошло, там, в московской гостинице...

Когда эта мысль пришла ему в голову, Маша была рядом, ее профиль двигался на фоне солнечных бликов, невообразимо далекий, чужой. Они шли парком Гагарина, вокруг светилась ярко-зеленая майская листва, желтые и лимонные бабочки порхали над молодой травой, в поисках еще не распустившихся цветов.

Что же это получается: придумал сказочную повесть о бабушках и дедушках, о первом поцелуе... Четыре месяца витал в небесах, как детский воздушный шарик. А она... Четыре месяца и три дня.

– А что, если нам пойти и прямо сейчас подать заявление в ЗАГС?

Маша посмотрела на него, чуть склонив голову набок, словно маленькая собачка.

– А у тебя паспорт с собой? – спросила она.

Уже вылезая из такси на углу Разина и Комсомольской, Маша проговорила, как бы между прочим, вскользь:

– А вот я давно жду: когда же это он перейдет от теории к практике...

* * *

Дни шли за днями, они по-прежнему встречались у Чапаева, гуляли и путешествовали по кафе. Добавилось новое развлечение – воображаемый шопинг. Они ходили по магазинам, присматривались к предметам, которые раньше были им не нужны. Вот большая сковорода: можно изжарить генеральский омлет. Чайный сервиз: будем принимать гостей. Для той же цели – несколько пар разноцветных тапочек. Детские товары. Нет, это потом...

Май был в разгаре, открылась навигация, теперь вместо кафе можно было посидеть в буфете прогулочного теплохода, глядя, как мимо проплывает город на высоком берегу.

– Вон мои окна, смотри!

– Где? Не пойму...

Родион берет Машину руку и чертит ее пальцем по стеклу.

– Раз, два, три – сверху. Раз, два... Восемь – слева.

Маша поворачивается в пластмассовом кресле, ее коленка упирается Родиону в бедро. Кажется, будто трепещущий ток течет от ее руки через все его тело, уходит, как в землю молния, обратно в ее коленку... Удивительные, странные ощущения.словно ему лет пятнадцать, и он впервые встретился с девушкой, с Владой из восьмого «Б»... Нет, надо их забыть: всех этих Влад, Лен, Инг...

Странно смотреть с реки на серую громаду своего дома, на раскрытую форточку кухни с красной занавеской...

Совсем уже скоро они будут вместе вставать по утрам, вместе распахивать окна навстречу рассвету – каждый свою створку. Свадьба назначена на двадцатое июня.

Дом медленно поворачивается в солнечных лучах, со всеми своими фальшивыми колоннами и башнями в стиле сталинского ренессанса, последовательно вспыхивают и гаснут вертикальные ряды стекол.

– Когда-нибудь все же пригласи меня, – говорит Маша. – Хочется посмотреть, как ты живешь.

Родион отпрянул, выпустил ее руку. Что значит – когда-нибудь пригласи?

– Ты меня разыгрываешь, – сказал он.

Маша посмотрела на него с недоумением, в ее глазах метнулся непонятный испуг.

– Ты что же – правда, забыла?

– Забыла, – грустно сказала она. – Теперь вспомнила.

Ведь она была у него – две недели назад, перед самой поездкой в Москву, они провели прекрасный вечер, потом он проводил ее домой.

Рискованный вечер, в смысле их эксперимента, вдвоем в квартире... Вечер соблазна, балансирования на самом краю, вечер удивительных переживаний...

Как же она могла забыть? Что с ней такое происходит вообще?

У ЧАПАЕВА

После этого случая Родион не на шутку встревожился, мысли о романтическом москвиче улетучились, дело тут более серьезное, совершенно непонятное дело.

Маша стала задумчивой, иногда ее глаза как бы гасли, тянуло помахать ладонью перед ее лицом: ты куда смотришь – наружу или внутрь?

Один раз она просто не узнала его: пришла на свидание, остановилась посреди площади, повернулась на каблуках, платье взметнулось, как у фольклорной танцовщицы: она явно кого-то искала, уж не Родиона ли?

Он подошел, Маша смотрела на него несколько секунд, будто пытаясь понять, чего от нее нужно этому незнакомому человеку...

Родион стал присматриваться к ней, уже в свете своего нового подозрения. Голос тот же, и вроде бы – не совсем тот. Походка, кажется, изменилась. Жесты, движения... Любимый ее жест – быстро накрутить на палец локон у виска и отпустить, будто проверяя его золотистую упругость: куда делась эта привычка?

Нет, на месте. Они шли вдоль набережной речпорта, рассматривая круизные суда, мечтая о путешествии. Маша поставила ногу на кнехт, обнажив коленку, проследила за взглядом Родиона и тихо рассмеялась, накрутив локон на палец.

– Все это может кончиться потрясающим разочарованием, ты не находишь?

– В любой идее есть доля риска.

– А я вчера читала на каком-то сайте, что последние время входят в моду пробные браки.

– Ага. Пробные браки были всегда, только этому явлению не могли подобрать подходящего названия.

– Мы можем оказаться сексуально несовместимыми.

Родион осторожно провел пальцем по ее коленке. От таких маленьких прикосновений его бросало в дрожь. Они часто касались друг друга, именно так, кончиками пальцев. Со стороны могло показаться: вот двое, они давно близки, наверное, муж и жена...

– Неужели ты чувствуешь то же, что и я? – спросил он.

– Возможно, – сказала Маша. – Если мы друг друга не устроим, никогда не поздно будет развестись.

– Ну, уж нет! В свете нашего эксперимента... Над самой жизнью...

– Какого эксперимента? – Маша посмотрела на Родиона, невинно захлопав ресницами.

В свои тридцать пять лет Родион имел довольно смутное представление о браке, а теперь и вовсе испытывал смятение. Может быть, эта девушка просто больна? И вот, за периодом ремиссии наступает самый обыкновенный кризис? Или же – в самом деле – перед ним вовсе не Маша?

* * *

На следующий вечер он рисовал спектакль. Это снова была «Куропатка», первое представление с участием Марии Белой после ее поездки в Москву. Родиону пришло в голову, что его подозрения просто смешны: сейчас Маша выйдет на сцену и будет играть. Как всегда – самозабвенно, отчаянно, преодолевая Станиславского и Михаила Чехова, чуть передергивая самодовольного Раковского.

Интересно, как бы справилась с этой задачей какая-нибудь *другая*?

Заречная появлялась на седьмой минуте действия, и пока шла эросцена между сельским учителем и траурной дочерью управляющего, Родион рисовал свет... В такие минуты он чув-

ствовал себя демиургом, наверное, подобные ощущения испытывает вратарь: в прямоугольной арке ворот, словно в проеме сцены, бегают и гоняют мяч маленькие человечки, а он управляет ими быстрым движением глаз.

Но все оказалось гораздо сложнее и кончилось настоящей катастрофой.

Маша играла не то и не так. Первая же ее реплика (*Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...*) повергла всех в изумление. Зуев, игравший Треплева, вел диалог, время от времени заглядывая Маше в глаза, наверное, подозревая, не пьяна ли она, или, может быть, что-то похуже...

Родион вдруг подумал, а не запутала ли ее в Москве какая-то секта: что если Машу используют, с некой целью, может, загипнотизировали ее, что ли...

Или перед ним все-таки не Маша? Ведь она играет просто невозможно, будто совсем не актриса, а какая-нибудь служащая на корпоративной вечеринке, которой поручили поздравить начальника.

В середине первого действия по спинам актеров пробежало напряжение. Это значило, что сам Раковский высунулся из-за кулисы, светит оттуда своим большим разгневанным лицом.

Меж тем раздвигается занавес маленькой сцены, за ним, на пластмассовом «камне» сидит Маша, она играет Заречную, которая играет Мировую Душу: актриса, которая играет актрису. Родион запускает на задник луну, обрисовав фигуру Маши контуровым светом, так, что вокруг ее золотой головки образуется тонкий ореол.

Маленькая сцена, построенная в глубине большой, зрители – настоящие зрители, пришедшие сюда с улиц города, смотрят на зрителей, вышедших из-за кулис...

Пауза затянулась. Уже через пятнадцать секунд все сидевшие в зале, даже те, кто никогда не видел пьесы, поняли, что актриса забыла текст.

Но его же невозможно забыть! Любой актер до гроба помнит этих гусей, львов и куропаток...

– Люди, львы... – послышался шепот Раковского из-за кулисы, настолько громкий, что его было слышно в зале.

Кто-то хихикнул. Часть зрителей, наверное, думала, что так и нужно, если «Чайка» – не совсем «Чайка» Чехова, а отчасти – «Куропатка» Раковского, который, как знал Родион, для начала работы над режиссерским сценарием просто заменил в компьютерном тексте часть слова «чайк...», на куропатк..., получив, по его мнению, совершенно новую пьесу – в большей степени комедию, чем классическая.

– Люди, львы... – подсказал Шура Зуев, сидевший на сцене ближе всех к Маше.

– Орлы, – с издевкой сказал кто-то в партере.

– И куропатки, – подхватил другой, более зычный голос.

Маша молчала, с удивлением оглядывая зал.

Тут знаменитая Ржанская, игравшая Аркадину, не нашла ничего более умного, как кинуть свою запланированную реплику, которая должна была прозвучать уже после монолога Заречной:

– *Это что-то декадентское.*

Зуев-Треплев отозвался, автоматически следуя тексту – (*умоляюще и с упреком*):

– *Мама!*

В зале засмеялись, кто-то захопал, приветствуя находчивость актеров. В этот момент Заречная должна была сказать, что она одинока и раз в сто лет открывает уста, и голос ее звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит, и так далее... Но Маша молчала, глядя в какую-то немыслимую точку на расстоянии вытянутой руки от собственных глаз.

– *Серой пахнет,* – угрюмо проговорила Аркадина. – *Это так нужно?*

В сложившейся ситуации реплика приобрела неожиданно новый, зловещий смысл.

– *Да,* – мрачно подхватил Треплев.

Аркадина усмехнулась:

– Да, это эффект.

Треплев повторил:

– Мама!

Вдруг встрепнулся, скинул оцепенение, посмотрел на Раковского, который с безумными глазами махал актерам из-за кулисы...

– Господа! – продолжил Зуев тем же голосом. – Мы приносим свои извинения. Через несколько минут спектакль будет продолжен. Дайте, пожалуйста, занавес.

Родион хлопнул по плечу Кривцова, своего помощника, и тот пересел за пульт. Родион вышел из зала и, набирая скорость, понесся через фойе.

Занавес был закрыт, Маша все также сидела на «камне», Раковский слева, Зуев справа – пытались поднять ее. Тело девушки, казалось, приросло к «камню», она удивленно озиралась по сторонам, похоже, вовсе не понимая, как она попала сюда.

– Да что с тобой?! – зашипел Раковский, размахивая перед ее лицом ладонью.

Маша сделала несколько шагов по сцене и вдруг завалилась навзничь. Родион подлетел одним гигантским прыжком и подхватил обмякшее тело. Раковский вытягивал шею, всматриваясь за левую кулису, откуда быстро, из глубины, приближалась, уже «вся в белом», Светка Алексеева, дублерша.

Родион отнес Машу прочь со сцены, бегом, будто в театре начался пожар. Оглянувшись, он увидел, что Светка уже сидит на «камне», поправляя свое белое, а занавес ползет в стороны.

Чей-то голос деловито произнес за шторой:

– Скорая? У нас, знаете ли...

Веки Маши были плотно сомкнуты.

– Дарья... – прошептали ее бескровные губы. – Не лезь ко мне, Дарья!

В следующий миг она очнулась, часто заморгав глазами.

– Люди, львы, орлы и куропатки... – донеслось со сцены бодрым голосом Светки, одобренное хлопками и смехом в зрительном зале.

* * *

Скорая приехала, врач вколола Маше успокоительное и развела руками: ничего страшного, вообще – ничего.

Тем же вечером они сидели в открытом кафе под гостиницей «Россия», за парапетом бились крупные волны Волги, низкое солнце припекало, но крепкий речной ветер обволакивал лица уверенной прохладой. Маша задумчиво рассматривала ледяное крошево в своем бокале, где белый свет разбивался на полноцветную радугу.

– Кто такая Дарья? – спросил Родион.

Маша вздрогнула. Вопрос явно привел ее в замешательство.

– Откуда ты знаешь о Дарье? – прошептала она.

Родион пояснил.

– Ну, хорошо, – успокоившись, сказала Маша. – Я никому не рассказывала о своей сестре. Мы давно не общались. Она осталась в Оренбурге. У нее был свой бизнес. Индивидуальный... Ты понимаешь?

– Проститутка?

– Противное слово... Индивидуалка. Она и меня хотела вовлечь, причем, так пристала, что... Оказывается, на этом рынке большим спросом пользуются двойняшки. Которые работают в паре. Тьфу! Не хочу больше об этом.

Родион посмотрел на Машу, и вдруг ее лицо поплыло перед его глазами.

– Так вы – двойняшки?! – то ли спросил, то ли воскликнул он.

– А что в этом такого? Ты аж побледнел весь!

Родион молчал. Невозможная мысль стукнулась в его голову, как лодка о сваю, и уплыла прочь, по мутной воде непонимания. Он ведь сам думал о том, что у Маши может быть сестра-близнец, которая зачем-то заняла ее место, он муссировал эту абсурдную мысль, и вот правда: сестра существует.

– Вы с ней сильно похожи?

– Как две капли. В детдоме первое, что я слышала, когда ко мне подходили, было: ты Маша или Даша? А уж потом обращались... Хочешь, покажу?

Ее глаза хитро блеснули. Она порылась в сумочке и достала маленький бумажник. Развернула.

– Я всегда ношу ее с собой. Отец снимал...

При слове «отец» ее губы скривились – еще одна тайна...

– Эта фотка мне особенно дорога. Именно потому, что я не могу с уверенностью сказать, где она, а где я.

– Разве так бывает? – Родион рассматривал снимок, где стояли, обнявшись, две маленьких Маши в одинаковых сиреневых платицах.

– Бывает. Мне кажется, что фотографию обернули зеркально при печати. Помню, я тогда стояла слева. А теперь я справа. Но иногда меня почему-то берет сомнение, что левая – это я... – Маша вдруг запнулась, ее взгляд потух, лицо застыло, будто невидимый режиссер бытия запланировал в этом месте остановленный кадр.

– Впрочем, однажды между мной и сестрой появилось различие... – Маша замолчала, сощурившись, словно увидела что-то в далеком мареве правого берега.

– Если не хочешь, не вспоминай, – мягко сказал Родион, хотя больше всего на свете ему хотелось, чтобы она вспомнила.

– Нет, почему же? Дарья сделала татуировки. Вот тут, – изогнувшись, Маша провела ребром ладони поперек своей поясницы, как бы показывая длину воображаемой косы.

Краем глаза Родион заметил, как двое мужчин за соседним столиком плотноядно усталились на девушку. Он и сам ощутил внезапный прилив желания от вида ее изогнутой спины.

– Два дракона, как синие стрелы, – закончила она. – С тех пор мы и отличаемся на этот недвусмысленный штрих.

Родион молчал, стараясь не спугнуть внезапную откровенность. Маша погромела льдом в бокале, отхлебнула и спокойным голосом продолжила свой рассказ:

– Она связалась с одним парнем, который и сделал ее, в конечном счете, такой. Помнишь, меня вызывали в милицию?

– Это из-за нее?

– Да. Все мои беды из-за нее. Дело в том, что Дарья находится в розыске.

– Она что-нибудь натворила?

– Нет. Просто пропала. Этого бы никто не заметил: мы жили на той квартире тихо и почти ни с кем в доме не общались... Квартиру нам дали на двоих после детдома, потому что у Дарьи был уважаемый... Это называется «спонсор». Я оттуда сбежала, снимала комнату за городом, работала в театре. Где меня и нашел Раковский. Я не слишком путано рассказываю?

Родион толкнул воздух рукой, дескать: продолжай. Он уже не мог понять, всегда ли у Маши была такая манера: говорить, перескакивая с одного на другое, или это тоже появилось недавно, после поездки в Москву.

– Так вот, однажды в той квартире, где осталась Дарья, прорвало трубу. Соседям пришлось ломать дверь. Выяснилось, что дома никого нет, и давно: цветы в горшках умерли. Соседи вызвали милицию, объявили розыск, и меня вызывали для беседы, уже здесь, в Самаре... Я рассказала в милиции все, что знала о сестре. В-общем, доигралась она со своей жизнью. Наверное, напоролась на маньяка.

– Она могла уехать куда-нибудь, – предположил Родион.

– Могла. Но не уехала, – тихо сказала Маша. – Моя сестра мертва.

Родион с удивлением посмотрел на нее.

– Я это знаю, чувствую. Это трудно объяснить. Между близнецами всегда существует связь. Еще в детстве, когда мы играли все вместе в саду, я точно знала, в какой стороне играет сестра. Стоило мне оглянуться и я тут же видела ее. И потом, когда мы выросли – тоже. Всегда стоял шум в голове, ровный такой, монотонный, как дождь за окном. И вот недавно он оборвался. Я проснулась в полной тишине. И сразу поняла. Я стала звонить ей, несмотря на то, что мы были в ссоре уже давно. Ни домашний, ни мобильный не отвечали. Это было четырнадцатого февраля. Запомни эту дату. Когда-нибудь выяснится, что Дарья погибла именно в этот день.

– Валентинов день, – проговорил Родион. – Это нетрудно запомнить.

– Несколько недель никто не берет трубку дома, мобильник заблокирован – это же странно, да? А потом приходит повестка из милиции, и все объясняется. Я узнала, что провало трубу и прочее... Дарья мертва, уже три месяца, это совершенно точно!

– Ты не любила свою сестру, – сказал Родион.

– Нет, – просто ответила Маша.

* * *

– Хочешь ее увидеть? – произнесла она, как бы в продолжение разговора, когда они покинули кафе.

– Кого – Дарью? – не сразу понял Родион.

Маша рассмеялась, взяла его под локоть:

– Пойдем, тут недалеко.

Они прошли мимо здания гостиницы, обогнули длинную пристройку. Уже стемнело, ярко горели буквы и панели реклам.

– Куда ты меня ведешь? Где здесь может быть Дарья? – глупо спрашивал заинтригованный Родион, пока, наконец, не понял, *что* хочет сделать его невеста.

С торца пристройки, между парикмахерской и магазинчиком сувениров был вход в компьютерный центр, откуда доносились звуки виртуальных сражений. Маша расплатилась со служащим, и они заняли свободное место у монитора. Она уверенно развернула окно интернета и набрала адрес.

Это был сайт объявлений о знакомствах. Страничка открывается медленно, изображение накатывается, словно печатным валиком... Когда появилось лицо молодой женщины, Родион вздрогнул от неожиданности.

Это была Маша, вернее, он сказал бы, что это Маша, если бы теперь не знал том, что у нее есть сестра. Двадцать пять лет жизни ничуть не развели их образы. Впрочем, понятно: они долго жили в одинаковых условиях детского дома, питались одинаково. Больше всего Родиона поразило, что у Дарьи была точно такая же прическа, вернее – ее отсутствие, просто распущенные, светлые, чуть выющиеся волосы.

Женщина на всех трех фотографиях полуобнажена, чуть прикрыта полосками кружевного эротического белья с тонкими резинками. На третьей фотографии она сидит спиной, полуобернувшись, и ясно видны ее татуировки: два синих извивающихся дракона, как бы указующие стрелочки...

– Это наша оренбургская квартира на Омской улице, ее кровать, мой ковер, – сказала Маша. – Дарья приглашала профессионального фотографа. Видишь, сколько посещений странички за сегодняшний день? Три посещения. Какие-то мужчины ходят сюда и смотрят, может быть, пытаются ей звонить.

– Странно. Сколько же эта страница может висеть?

– Не знаю. Может быть, до скончания времен. Или они обновляются раз в год. Теперь я воспринимаю это как надгробье.

Маша щелкнула мышью по кресту и захлопнула страницу. Родион проводил ее домой и поцеловал на прощанье в щеку. По пути ноги сами завернули в переулок, где в неровном сиреновом свете трепетала лестница, ведущая в хорошо знакомый подвальчик.

Рюмка, другая, блюдечко орешков. Громкая музыка, в такт мигает сиреневый свет. Кто-то дергает его за рукав, Родион оборачивается: путана.

– А я тебя здесь уже видела. Хочешь побыть со мной?

Родион сползает со стойки и молча идет к выходу... Нет, спасибо, дорогая путана. Мы как-нибудь сами по себе.

Ночь. Завтра суббота, у него выходной. Он лежит навзничь, глядя, как на чистом холсте потолка волнуются тени занавесок, рисуя пейзажи и жанровые сцены, комната чуть покачивается на знакомых волнах, потому что выпито сегодня немало. И опять, как и неделю назад, в порядке борьбы мотивов, фигурирует злополучная четвертинка, взятая в ночном магазинчике на углу.

Завтра в театре только дневной спектакль, за пультом будет Кривцов – рисовать по его партитуре «Трех толстяков». Маша играет Суок, ее будут носить по сцене, бросать на пол, порой и вправду заменять большой сломанной куклой. Раковский поначалу вообще не хотел выпускать ее, но потом решил, что куклой – можно.

Похожих людей на свете гораздо больше, чем мы думаем. В сущности, есть всего несколько десятков основных типажей, как бы стоящих рядами людей, из-за чьих спин выглядывают другие, идентичные люди. Несколько раз в жизни Родиону приходилось общаться с двойниками, однажды у него даже была девушка, как две капли воды похожая на другую – ту, с которой ничего не вышло в училище. С каким же изумлением он снова встретил ее спустя десять лет, правда, под другим именем, с другим, более изящным телом... Самым удивительным в этой ситуации оказалось то, что вторая была на десять лет моложе первой, и судьба будто предложила ему проиграть еще один дубль.

Занятно, что мы, часто наблюдая чужих двойников, все же почти никогда не встречаем своих собственных. Это можно объяснить тем, что мы галлюцинируем как друг друга, так и свои отражения в зеркале, не желая признать, что на свете есть люди, почти идентичные нам.

Тем не менее, они не могут не существовать, наши скорбные двойники. Родион ясно представлял себе людей с таким же лицом, как и у него: один идет по Нью-Йорку, другой, скажем – по Питеру... Сколько их может быть среди трех миллиардов мужчин планеты? Тысячи? Десятки тысяч?

И он воображает комнату, где за столом сидят человек двадцать Родионов: маленькие и большие, толстые и тонкие, смуглые, розовощекие, бледные, говорящие на разных языках, живущие в разных возрастных категориях... Родионы негры и Родионы китайцы. Родионы чукчи, индейцы. Или это не комната, а площадь, с целой толпой Родионов, они собрались на митинг, у многих в руках плакаты... Или футбольное поле, где проходит матч: Родион стоит на воротах, Родион нападает и защищает, Родион бурлит на трибунах...

Фантазии плавно переходят в сон. Дворцовая площадь в Петербурге, городе, где он провел несколько лет, в художественном училище имени Врубеля. В тот период город сотрясали всяческие митинги и шествия, Родион любил бурлить в толпе. Все почему-то смотрят на Александровскую колонну. Родион понимает, в чем тут дело: на вершине колонны царит статуя Афродиты, перстень с древней свастикой бликует издали, словно в специально подстроенном кинокадре – была такая манера в кино прошлых лет: поймать луч стеклами очков или золотым зубом...

Статуя, скульптура, изваяние. Родион просыпается, шаря руками по одеялу. Статуя стоит у кровати, нет – это всего лишь халат. Где-то далеко капает вода, движется в каменной глубине здания лифт. Нет, это буксир толкает по реке баржу. А кран давно пора починить.

ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

В субботу Родион спал долго, проснувшись, долго не вставал с постели, глядя, как движется по стене тень от оконного переплета.

В принципе, холостяцкая жизнь не так уж плоха: с этим тягучим утренним блаженством также придется теперь распрощаться. Что ж – будет, по крайней мере, о чем жалеть.

Вот, и вправду, о чем жалеть не придется, так это о дальнейших действиях в тот субботний день. Родион нарубил простенький салат, изжарил омлет с ветчиной, все съел, помыл посуду. Наверное, теперь, это будет делать жена. Маша совсем не умела готовить, что понятно при ее образе жизни. Будущий муж подло скрыл от нее тот факт, что сам неплохой повар. Пусть лучше и она научится.

Дальнейшее было еще мрачнее: Родион побросал в стиральную машину одежду, затасканную за неделю. В этом процессе его всегда возмущало, что белые вещи нельзя стирать вместе с черными... Незаметно подошло время обеда, Родион разогрел вчерашний борщ, снова сделал салат, на сей раз – не столь крупно нарезанный и более изысканный, с паприкой и креветками, все съел, помыл посуду. Все-таки – тоска...

Когда дневной спектакль, где Машу таскали и кидали на пол в виде куклы Суок, закончился, он позвонил ей на мобильник. Не ответила. Позвонил Зуеву, выяснилось, что «Толстяки» прошли хорошо, никто не забыл текст, никто не потерял сознание. По расчетам она должна была уже вернуться домой. Телефона в старом доме, где она квартировала, не было. Родион переоделся и вышел, поймал такси и быстро домчался до ее дома. Хозяйка сказала, что Маша не так давно вернулась с работы, но пробыла недолго и снова ушла. Может быть, просто до ближайшего магазина?

Родион стоял посреди старого, заросшего высокой травой двора и раздумывал, в какую сторону пойти. Снова вызвал номер Маши – нет ответа. Вдруг он услышал слабый, хорошо знакомый звук – «Лебединое озеро», увертюра... Он невольно глянул на окошко Машиной комнаты, выходящее в палисадник с цветущими пионами. Это сигнализировал ее телефон, забытый где-нибудь на столе. Такое могло произойти с кем угодно, только не с Машей: она никогда не расставалась со своим маленьким серебристым аппаратом, выключить могла, но вообще не взять с собой?

Родион вышел на улицу, посмотрел по сторонам, повернул налево и двинулся вдоль трамвайных путей. Миновал несколько кварталов, повернул обратно. И вдруг он увидел ее...

Его невеста шла по тротуару в тридцати шагах впереди – наверное, свернула из переулочка, иначе бы он давно заметил ее.

Родион ринулся было к ней, но передумал и пошел на некотором расстоянии, по другой стороне улицы. Проехал трамвай, на несколько секунд скрыл быстро идущую фигуру. Что-то в ней показалось ему странным...

Так они прошли квартал, разделенные пунктиром уличного транспорта, желтое короткое платье то и дело появлялось за стеклами машин...

Мужчины оглядывались на нее, оглядывались и женщины. Родиону льстило, что его девушка такая красивая, но вдруг он понял, что смотрят на нее совсем по другой причине.

Кукла! – мелькнуло у Родиона в голове, – кукла Суок.

Маша двигалась, как автомат, мерно размахивая руками – неужто еще не вышла из роли по системе Станиславского?

И куда она, собственно, идет? Родион думал, что нагонит Машу и объявится, когда она свернет на свою улицу, но Маша пролетела поворот, пересекла Некрасова и невозмутимо двинулась дальше.

Желтое, как цыпленок, платье... Почему он раньше не видел его на ней? Вдруг она нарядилась, чтобы встретиться с кем-то другим, вдруг у нее свидание?

Родион в который раз испытал приступ ревности. Вся эта целомудренная идея с самого начала была ложной: просто у нее есть другой, и они оба смеются над ним. Вот откуда взялась ее скрытность! А мобильник она оставила дома, чтобы он не докучал ей.

Родион чувствовал себя идиотом и подлецом: получается, что он следит на улице за своей любимой девушкой, подозревая ее в измене. Он ускорил шаги, намереваясь тотчас нагнать Машу, но в этот момент она вдруг обернулась, будто почувствовав затылком его взгляд, но не остановилась, а, кажется, даже ускорила шаги.

Как она могла не заметить его, идущего так близко? Может быть, у нее просто плохое зрение, и она никогда ему об этом не говорила? Родион вспомнил, как она шурилась, глядя вдаль, за Волгу...

Внезапно Маша свернула, на повороте блеснул ее глаз. Она определенно посмотрела на него, перед тем, как скрыться за обрезом стены. Родион быстро дошел до угла, но не увидел Маши там, где ожидал. Улица здесь шла под наклоном, спускаясь к реке, тротуары обращались в лестницы. Он перевел взгляд вглубь и увидел Машу гораздо дальше, чем она должна была быть. Она бежала!

Родион бросился за ней. Теперь было ясно, что она просто убегает от него. Еще раз оглянувшись, Маша свернула направо, в переулок. Но ведь там же тупик, и она не могла об этом не знать: они так много гуляли по старому городу!

Родион побежал быстрее, нырнул под арку и там, у стены увидел ее, стоящую спиной к дровяному штабелю, беспокойно озирающуюся, растерянную...

Родион подошел к ней вплотную. Оба часто дышали, глаза Маши беспокойно вращались. Родион попытался обнять ее за плечи, но Маша скинула его руки и закричала высоким, не своим голосом:

– Кто ты такой и чего тебе от меня нужно?

* * *

Главное, не терять спокойствия, – решил Родион. – Если с ней опять происходит этот странный приступ, будет благоразумнее включиться в игру.

– Меня зовут Родион Силков, – ровным голосом сказал он. – Я работаю осветителем в театре имени Всеволода Раковского.

Маша посмотрела на него, недоуменно моргая.

– Ну и что? Зачем ты мне это говоришь? Я не знакомлюсь на улице.

Она оглянулась по сторонам и добавила:

– В странных каких-то дворах... Но если уж ты встретился мне тут... – она запнулась. – Тогда скажи, куда я попала. Я, типа, заблудилась.

– Там улица Льва Толстого, – махнул рукой Родион. – Вниз по улице – набережная, река.

– Что-то я не помню в городе таких мест.

Они вышли из тупика на лестницу тротуара, девушка с любопытством оглядывала окрестности. Родион лихорадочно соображал. Еще вчера он мог бы решить, что Маша его просто дурачит – это вполне было в ее стиле. Провал на вечернем спектакле он до настоящего момента объяснял обыкновенным обмороком – тяжело переносит месячные или что-то еще. Предыдущие странности тоже, хоть и с натяжкой, можно было бы отнести к чрезмерной рассеянности. Теперь ему стало совершенно ясно, что Маша больна. Она действительно не узнавала его: увидев, что незнакомый мужчина преследует ее, она ускорила шаги, пытаясь оторваться, потом – побежала... Правда, во все это верилось с трудом.

– Я провожу тебя, хотя бы до остановки трамвая. Доберешься до памятника Чапаеву, а там уж сориентируешься.

Такую реплику вполне мог произнести и тот Родион, который раскусил, что его разыгрывают, тем более, что он ввернул намек на обычное место их встреч... Все-таки, версия, что она просто его дурачит, еще теплилась в его голове, хотя он и знал: тут определенно что-то другое... В любом случае, надо поддержать разговор.

– Ну, нормально! – воскликнула Маша. – С чего это ты взял, что я знаю, как мне добраться домой от памятника Чапаеву? Не знаю я никакого памятника Чапаеву.

– Каждый в Самаре его знает.

– Ну и что? Меня не колышет, что там знают в Самаре.

Родион решил зайти с другого конца. Если в голове у Маши творится безумие, и она не узнает знакомых улиц, не помнит, что работает в театре, то хоть имя-то свое она должна помнить!

– Я, между прочим, представился, – сказал Родион нарочито обиженным тоном. – Я Родион. А тебя как зовут?

Маша смерила его презрительным взглядом.

– По барабану. Впрочем, если так уж хочешь знать... Меня зовут... Короче, это не имеет значения.

Еще одно: Машина речь. Она никогда не употребляла жаргонных словечек, а сегодня говорила, как девчонка по вызову... Дикая мысль пришла Родиону в голову. Он сказал, пристально глядя на девушку, чтобы уловить ее реакцию:

– Давай я буду называть тебя Дарьей?

– Что такое? Почему Дарьей?

– Если ты не хочешь говорить свое имя, то я могу предложить любое, какое мне нравится.

– Вот еще! Никакая я не Дарья, я...

Маша вдруг остановилась, покачнулась, оперлась о ствол дерева. В ее глазах блеснул настоящий ужас.

– Я... Я не знаю, как меня зовут! – наконец, воскликнула она, чуть не плача.

* * *

Они поднялись на квартал, Родион довел девушку до арки, под которой открывался ее двор.

– Почему мы остановились?

Родион помолчал. Ни малейшей реакции.

– Какое сегодня число? – вдруг спросила она.

– Двадцатое. Свадьба уже через месяц.

– Чья свадьба?

– Моя и... Еще одной девушки.

– Ясно, что не юноши... Это что – липа? – Маша потрогала ствол старого дерева. – Липа уже цветет... А двадцатое – чего?

– Двадцатое мая.

Родион вспомнил анекдот про алкоголика: *Месяц, месяц какой?*

Маша, загнула палец, другой, шевеля губами.

– Я думала, что липа цветет в июне. Но все равно, даже май – это слишком круто. И здания какие-то странные. Слушай, а какой это город?

– Самара. В Самаре липа цветет в мае. Где-нибудь севернее, конечно, в июне.

Маша помолчала.

– Ты не гонишь? Это не Москва?

– Увы.

Уже ближе. Маша помнит Москву. В Москве с нею что-то сделали, теперь это совершенно ясно. Может быть, какой-то эксперимент? Но разве похоже на работу спецслужбы – заманить девушку в Москву под видом конкурса красоты?

– В голове шумит, – сказала она, пальцами коснувшись висков.

Родион вздрогнул: это был точно Машин жест. Перед ним именно Маша, и никакая другая. Недавняя мысль, что на улице Самары как-то оказалась пропавшая Дарья, точная копия своей сестры, была полностью абсурдной. Маша сказала, заглянув ему в глаза:

– Ты ведь меня не бросишь? Я никого не знаю в этой Самаре!

– Для начала, давай где-нибудь поедим. Ты есть-то хочешь? – Родион изобразил, как хлебают ложкой.

– Не знаю, – Маша задумалась, вслушиваясь в себя. – Наверное, хочу.

– Пойдем ко мне. Я хорошо готовлю.

Маша усмехнулась, в ее лице появилось циничное, неприятное выражение.

– Вот так, сразу? – хохотнула она. – Девушку надо сначала мороженым угостить, на трамвае покатасть.

Родиону почувствовал короткий укол ревности и тоски. Ему не хотелось видеть у своей невесты такое лицо, особенно, когда перед ней был, как ей казалось, незнакомец.

– Вот тебе трамвай, – сказал он, и чувствительно подтолкнул Машу вперед, в направлении трамвайного круга, где разворачивался, искря штангой, красный вагон.

Свободных мест в субботний вечер было много: самарцы, в основном, отдыхали дома. Они сели рядышком, Родион наблюдал за Машей: ведь у нее был проездной на городской транспорт... Кстати, где ее сумочка – маленькая, кожаная, коричневая – с которой она не расставалась?

Подошла кондукторша, Маша и не думала предъявить проездной. Родион заплатил.

– Вот видишь, я тебя на трамвае катаю, довольна?

– А мороженое?

– Будет.

«Пятерка» довезла их до улицы Осипенко, Родион действительно купил в киоске два ленинградских эскимо, тот самый сорт, который любила Маша.

Нет, *эта* Маша не любила ленинградское! Она с неудовольствием развернула «золотце».

– Надо типа спрашивать, что брать, – проворчала она.

Детали. Все они, казалось, принадлежали совершенно разным женщинам. Вдруг Родион вспомнил: татуировка! Маша вчера говорила про какую-то татуировку у Дарьи. Может быть такое, что близняшки наследуют одни и те же жесты? Но для того, чтобы добраться до татуировки, надо снять с нее платье.

– А ты не хочешь искупаться в Волге? Это тебе не Москва-река...

Девушка провела себя ладонью по бедру, потом ответила:

– Нет.

Дело было гораздо серьезнее, если она даже не знала, что не на ней надето...

Ситуацию разрешил ливень, как будто сами небесные боги вмешались в дела людей. Сначала несколько капель коснулись плеча, словно кто-то побарабанил по плечу пальцами, вдруг улица осветилась короткой вспышкой, через какие-то секунды грянул гром, и рухнула на город сплошная стена воды. Все удирали, прикрываясь пакетами, мгновенно почерневший асфальт иззошел крупными пузырями...

До ближайшего кафе они, конечно, добежали, но вполне успели вымокнуть. Маша замерзла так, что стучала зубами.

– Может, все-таки, съешь чего-нибудь? – предложил Родион.

Маша покачала головой, сложив губы пирожком: и это тоже была ее личная привычка. Нет никаких сомнений, что перед ним его невеста, но от этого ничуть не легче.

– После мороженого и вправду не хочется.

Сидеть и греться просто так, словно школьники, было бы глупо. Глядя на уверенно идущую в их сторону официантку, Родион почувствовал знакомое волнение. Действительно, дождь и холод – хорошие причины для немедленной выпивки. Он заказал две рюмки водки. Маша не возражала.

– За знакомство! – приподнял Родион свою рюмку.

Дождь не переставал, на улице откуда-то все еще брались бегущие люди, наверное, устали ждать в подворотнях...

– Теперь у нас один путь, – заявил Родион.

Уточнил:

– Отсюда видно. Следующий дом, вон тот серый – мой.

Насквозь мокрая девушка уже забыла о церемониях. Они поднялись на восьмой этаж, в лифте Родион раздумывал: не поцеловать ли ее сейчас? Будто это и впрямь некая девушка, с которой он едва познакомился и которую ведет к себе домой...

– Дай мне какой-нибудь халат! – потребовала Маша, как только они вошли в квартиру.

Родион сорвал с вешалки и протянул ей свой синий, который порой, с глубокого похмелья, притворялся античной статуей.

– Сейчас же отвернись!

Родион подчинился, услышал скрип мокрого платья, услышал, как платье шлепнулось на пол. Он медленно повернул голову и увидел гладкую смуглую спину девушки, изящный ряд позвонков и там, где кончалась талия, справа и слева – двух синих, размером с ладошку ребенка, причудливых драконов.

* * *

Итак, это была Дарья. Немыслимо! Дарья, которую сестра считала мертвой. Но, если разобраться, мертвой – на основании чего? Из-за того, что та вышла из оренбургской квартиры и не вернулась? Из-за того, что перестала отвечать на звонки?

Но, при ее образе жизни, она вполне могла просто переехать в другой город, в ту же Москву, а мобильный номер сменить, чтобы избавиться от старых клиентов, а заодно – и от внимания сестры.

Другие вопросы: как Дарья попала в Самару? Почему она не помнит себя?

Родион лежал на кухне, на своем старом туристическом матрасе, матрас спускал, он слышал его мерное сопенье... Дарье было некуда пойти, она приняла душ, чтобы согреться, но вышла из ванны совершенно сонная, выразила вялое желание ехать на вокзал, но вскоре свернулась на его кровати и уснула. Родион укрыл ее легким шерстяным одеялом, постелил себе на кухне и теперь лежал, мучительно пытаясь свести воедино все эти странные факты.

Допустим, Дарья приехала в Самару: ей надо было увидеть сестру. Что-то с ней произошло, отчего она потеряла память. Пусть это случилось не сразу, и Дарья стремилась, пока еще помнила, к Маше... Вот почему она и оказалась в районе Машиного дома.

Одна в этой версии была неувязка: с самого начала всякие странности происходили не с Дарьей, а с Машей, и трудно было представить, что сразу обе сестры были подвергнуты какому-то неизвестному воздействию...

Вдруг ему явилась простая мысль: Маша всегда была Дарьей, и никакой Маши не было. С чего он взял, что перед ним Дарья, потерявшая память, а не Маша, потерявшая память? Только по одному признаку – татуировки. Но откуда он узнал об этих татуировках? От самой девушки. Именно она вчера и сказала ему об этом.

Около часа ночи Родион в последний раз вызвал мобильный номер Маши. Нет ответа: он хорошо представил себе, как в ее комнате, на маленьком антикварном столе лежит раскрытая

кожаная сумочка и в ней, в темноте, светится Машин серебристый телефончик, бросая блики на ореховую полировку. А вот сама Маша, вернее, женщина, которую он так называл, беспокойно спит в его кровати за стеной, скрывая где-то глубоко внутри тайну, сути которой, может быть, не ведала даже она сама...

Он уже был в пространстве между явью и сном, когда услышал шорох, скрип старых паркетин. Родион поднял голову и вздрогнул от неожиданности. В дверях стояла статуя. Белая, гладкая обнаженная фигура вытягивала шею, всматриваясь в темноту.

Кажется, только сейчас он нашел объяснение своим ночным кошмарам. Их природой была физическая неудовлетворенность, искусственный предел, который они с невестой поставили друг другу. Образ обнаженной статуи возник из-за недоступности реального тела, всегда скрываемого одеждой.

Что это – продолжение сна? Женская фигура отделилась от дверного косяка и двинулась к нему, выставив вперед руки. Похоже, она не смотрела вниз, руководствуясь только бледным уличным светом из окна... Вдруг она споткнулась о надувной матрас, вскрикнула, упала вперед. Родион едва успел подхватить ее, и они вдруг оказались переплетенными... И не было больше сил бороться собой.

* * *

Родион проснулся на сдувшемся матрасе. В кухне сумеречно: снова идет дождь, подоконник равномерно гремит. Родион никогда не видел свою кухню снизу, с точки зрения пола, и несколько секунд просто разглядывал эту картину, наслаждаясь неожиданным зрелищем и не думая ни о чем. Он не сразу вспомнил, что было с ним ночью, а как вспомнил, то испытал жгучий стыд, будто кто-то подглядывал за его сознанием.

Шум падающей воды за окном смешивался с другим равномерным водопадом, в ванной. Теперь она, значит, преспокойно моется. Как после этого вести себя с нею – продолжать игру, притворяться, что он на самом деле некий незнакомец, догнавший ее на улице? Или рассказать ей все, добиться, наконец, правды? Может быть, она вспомнит, и вместе они смогут понять – что с ними произошло?

Женщина, которая пришла к нему этой ночью, была именно той, которую он знал уже несколько месяцев. Здесь, в темноте, он называл ее Машенькой, а она его – Родей. Как могла Дарья или какая-нибудь другая угадать это уменьшительное имя?

Зазвонил мобильный, Родион без интереса нащупал аппарат, валявшийся на полу. Кто мог звонить в такую рань?

Глянув на экранчик, Родион обомлел. Это была Маша! Откуда она звонит – из ванной? Но ведь аппарата у нее с собой не было...

Ее голос был какой-то неестественный, будто она собиралась солгать.

– Как ты? – произнесла она свой обычный телефонный зачин.

Родион покосился в сторону двери: вдруг сейчас появится та, которая в ванной? Туча мыслей взвилась в его голове, будто бы на него напала стая птиц.

– В порядке, – сказал Родион. – А где ты была ночью? Я тебе звонил...

Короткое молчание. Итак, сейчас, у него дома Дарья, именно с ней он провел эту удивительную ночь. И теперь ему звонит Маша, и он должен объясниться с ней... Оправдаться...

– Я была... Это неважно, – голос Маши вдруг похолодел.

– Как это *неважно*? – Родион вдруг понял, что ему вовсе не надо оправдываться, а стоит даже наоборот: нападать. – Согласись, я имею право знать, куда пропала моя невеста!

– Это что – допрос? Я все-таки невеста, а не жена.

Родион смягчился.

– Не очень-то приятно знать, что у тебя есть какие-то тайны от меня.

– Да нет никаких тайн, боже! Просто...

Родион вслушался в шум воды, и он показался ему подозрительным.

– Со мной, кажется, опять случился этот приступ. Ты приедешь сейчас?

– Конечно. Только... – Родион опять прислушался: да, очень странный шум.

– Ты что же, не можешь сейчас? Скажи, когда.

– Я позвоню, как выйду. Жди, никуда не уходи.

Разорвав разговор, он кинулся в ванную. Дверь не была заперта изнутри, и он распахнул ее. Как он и понял по монотонному шуму воды, ванная была пуста. Девушка, которая провела с ним ночь, похоже, и вправду собиралась в душ, но, уже открыв кран, передумала, приняла внезапное решение и убежала из дома вообще. Об этом говорил и общий беспорядок в ванной: мочалка и раскрытая мыльница на полу. Похоже, девушка не отдавала себе отчета в том, что делала, иначе бы она все-таки завернула кран. Или она сделала это специально, чтобы создать эффект присутствия?

* * *

Маша ждала его в своей комнате, она почему-то не вышла его встречать. Хозяйка, открывшая дверь, посмотрела на Родиона внимательно и вдруг опустила глаза. Этой-то что известно?

Родион вдруг сообразил: Маша не ночевала дома, а он сам приходил вчера вечером, но не застал ее. Теперь пожилая женщина думает, что Родион – обманутый любовник.

– Маша была сегодня у меня, не волнуйтесь, – сказал он.

Хозяйка не смогла скрыть своего удивления. Почему? Что здесь опять не так?

– Мне, в принципе, совершенно все равно, – холодно ответила она.

Может быть, она просто-напросто знает, где была Маша, и видела с ней какого-то человека?

– Что вы от меня скрываете, любезнейшая? – с вызовом спросил он.

– Да ничего, – смутилась хозяйка. – Просто странные вы люди. Девушку провожать надо, тем более – среди ночи. Под дождем...

С этими словами она распахнула дверь ванной и кивнула в сумеречный проем. Там, на веревке у газовой колонки, висело и сохло после стирки – то самое канареечное платье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.